ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

И.В. БЕЗИК

(Владивосток)

Гуманитарно-политическая акция: репатриация корейцев из Японии в КНДР на судах Дальневосточного пароходства (конец 1950-х — первая половина 1960-х годов)

В данной статье речь идёт о репатриации этнических корейцев из Японии в Северную Корею, осуществлявшейся на судах Дальневосточного пароходства. Подробно, на обширном фактическом материале рассматривается один из эпизодов в сложном клубке взаимоотношений, существовавших тогда между двумя Кореями, СССР, Японией и стоявшими за ней Соединёнными Штатами. Эти взаимоотношения, в определённой степени затрагивающие интересы КНР, в условиях не стабилизированной до конца международной обстановки после окончания Второй мировой войны, анализируются и в контексте так называемой холодной войны двух социально-экономических систем. Акцент в публикации делается на действиях советской стороны.
Ключевые слова: *репатриация*, *корейцы*, *СССР*, *КНДР*, *Республика Корея*, *Дальневосточное морское пароходство (ДВМП)*.

Активная пропагандистская кампания по возвращению корейцев на историческую родину была начата в 1958 г. по инициативе северокорейского руководства при поддержке левых и прокоммунистических, а также националистических корейских структур в Японии, прежде всего «Лиги (ассоциации) корейских граждан, проживающих в Японии» и активистов из этой пропхеньянской организации «Чхонрён» (согласно А.Н. Ланькову, организация была создана в 1955 г. северокорейскими спецслужбами).

В сентябре 1958 г. Правительство КНДР официально заявило о желании принять у себя корейцев–репатриантов из Японии.

Мощным политическим и пропагандистским фоном 1958 г. являлся факт вывода с территории КНДР так называемых китайских добровольцев, находившихся в стране со времён Корейской войны. Войска были выведены в три этапа в период с 15 марта по 26 октября 1958 г. (как явствует из современных публикаций, были выведены далеко не все войска).

Попутно отметим, что 1958 год в официальной истории Северной Кореи считается годом завершения социалистических преобразований производственных отношений, годом социалистической революции.

14 октября 1958 г. в Доме политпросвещения Владивостокского ГК КПСС состоялась лекция на международную тему с нечастой даже для Приморья тематикой: «Современное положение в Корее». Лектором выступал приезжий кандидат исторических наук С.А. Хан. По уже давним воспоминаниям старших коллег автора по вузовской работе интерес к лекции был высок.

В советской прессе сообщалось, со ссылкой на выступление председателя ЦК всеобщего объединения корейцев, проживающих в Японии (так в газетном тексте), Хан Дук (Док) Су, что по состоянию на 10 декабря 1958 г. желание вернуться из Японии в КНДР выразили около ста тысяч корейцев. В феврале 1959 г. Хан Дук Су говорил уже о цифре, превышающей сто семнадцать тысяч.

При этом отмечалось, что, как писали советские газеты уже в 1959 г., «лисынмановская агентура» всячески запугивала корейцев, предпринимая шаги по срыву или дискредитации самой идеи репатриации. В советских газетах публиковались пространные материалы, рассказывающие о фактах такого «запугивания», а также внутриполитических японских пертурбациях, связанных с тематикой репатриации.

В самой КНДР пропагандистская кампания, связанная с репатриацией, с весны 1959 г. принимала всё больший размах. Создавался и соответствующий «благоприятный» фон для желавших вернуться. Так, в марте 1959 г. сообщалось, что в прошедшем голосовании по выборам в городские, уездные и сельские народные комитеты приняло участие 99,99% всех зарегистрированных избирателей. За выдвинутых кандидатов в депутаты отдали свои голоса также 99,99%. Это преподносилось как лучший и яркий показатель существовавшего единства партии, правительства и народа (полное копирование выборов в СССР). Сообщалось, что с 1 апреля 1959 г. отменялась плата за обучение во всех учебных заведениях республики и т.д.

Северокорейская сторона также выступила с пропагандистской (заведомо обречённой на отторжение Югом) инициативой принять у себя на постоянное место жительства соотечественников из Южной Кореи, не имевших жилья или работы, обещая при этом обеспечить их и тем и другим.

Советская пресса — и центральная, и дальневосточная — без всяких ограничений публиковала эту информацию. Советские газеты постоянно писали об откровенно дискриминационной политике японских властей в отношении этнических корейцев, живущих в Японии. Но именно эта информация была далеко не пропагандистской и опиралась на жёсткие реалии послевоенного японского государства и общества.

Позицию КНДР по репатриации поддерживала и преследовавшая собственные внутриполитические интересы Социалистическая партия Японии, чьи представители побывали в этой связи в Северной Корее уже в марте 1959 г. В течение всего года КНДР и Япония вели сложные переговоры и согласовывали условия репатриации до тех пор, пока не было достигнуто взаимоприемлемое соглашение.

Советская сторона, в свою очередь, поддерживая северокорейскую, через свой Красный Крест апеллировала к японской, ссылаясь на недавнее благополучное разрешение гуманитарной проблемы между двумя странами во второй половине 50-х годов, когда в Японию вернулись многие ещё остававшиеся в СССР смешанные японо-корейские семьи — лица без гражданства. А до этого вернулись бывшие японские военнопленные.

Кампания по собственно репатриации продолжалась несколько лет и была весьма масштабной (в том числе и по затратам для СССР) акцией гуманитарно-политиче-

ского и пропагандистского характера, связанной с поддержкой СССР своего строптивого союзника в лице КНДР и её лидера Ким Ир Сена. К тому же она проходила в условиях всё более ухудшающихся отношений между КНДР и СССР, о чем в советские годы официально никогда не сообщалось (население СССР знало об этом из многочисленных «закрытых» лекций о международном положении).

Из самой же Северной Кореи постепенно «выдавливались» ещё не подвергнувшиеся репрессиям так называемые советские корейцы, направленные в своё время в страну из СССР и внесшие немалый вклад в становление этого нового социалистического государства.

СССР «не вмешивался» во внутренние дела КНДР, хотя и принимал обратно «своих» корейцев. К примеру, 4 августа 1959 г. Совет Министров СССР выпустил Распоряжение № 2196-рс «О въезде в Советский Союз группы демобилизованных генералов Корейской Народной Армии» (рассекречено в 2006 г.). Фактическое потакание Ким Ир Сену со стороны СССР только играло на руку лидеру КНДР.

В конце 50-х годов практически синхронно с возвращением значительной части северокорейцев, ранее работавших в СССР, началось их возвращение и из Японии. Там они находились в основном в качестве насильственно вывезенных или приехавших на заработки за десятилетия оккупации Кореи. Это были так называемые японские корейцы. С конца 50-х на советских пассажирских судах Дальневосточного пароходства они перевозились из Японии в КНДР[1] (А.Н. Ланьков в одной из публикаций указывает лишь 60-е годы без упоминания конца 50-х)[2].

У советских моряков уже имелся опыт схожих гуманитарных перевозок, и также в разделённом государстве. Так, теплоходы «Архангельск» и «Ставрополь» участвовали в перевозках вьетнамцев из Южного Вьетнама на территорию Северного Вьетнама (тогда Демократическая Республика Вьетнам — ДРВ), осуществлявшихся в соответствии с Женевским соглашением по Индокитаю (1954 г.).

Группа моряков — членов команд этих теплоходов — была награждена вьетнамским Орденом Труда I, II и III степени. О награждении сообщала газета «Красное знамя» в декабре 1955 г. Опыт работы этих экипажей был использован руководством Дальневосточного морского пароходства (ДВМП) при организации перевозок корейских репатриантов (позже, к примеру, в 1959–1961 гг. теплоход «Ставрополь» работал на линии, связывавшей СССР с Индонезией)[3].

Акция с корейскими репатриантами осуществлялась при содействии Советского Союза, его Общества Красного Креста и Красного Полумесяца, о чём попросила северокорейская сторона.

Отметим также, что ДВМП уже занималось репатриацией собственно корейцев, правда на ином уровне, чем предстоящая, да и исторический контекст был другим. Тогда, во второй половине 1940-х годов, проходила репатриация из СССР (через Приморье) в Северную Корею этнических корейцев из числа бывших так называемых японских военнопленных.

---

[1] Красное знамя. 1957. 25 дек.; 1958. 18 сент., 29 и 30 окт., 11 нояб., 26 дек.; 1959. 1 и 3 янв., 17, 19, 22, 25 и 27 февр., 5 марта, 5 сент., 17 дек.; 1960. 7 янв.

[2] Боевая вахта. 1960. 8 янв.; *Ли Герон*. Великое покаяние. Бишкек, 2006. С. 32–33; *Ланьков А.Н.* Естественная смерть северокорейского сталинизма? // Восток / ORIENS. 2006. № 4. С. 106.

[3] Красное знамя. 1955. 14 дек.; Морской флот. 1981. № 7. С. 63.

Значительный объём работ по репатриации осуществлял соответствующий отдел Приморского военного округа. Основная часть корейцев проходила через транзитный лагерь № 380 (г. Находка). Доставка корейцев в Северную Корею / КНДР осуществлялась и морским путём. Так, большая группа военнопленных корейцев, прибывших на пароходе «Новосибирск», была передана представителям местных властей Северной Кореи 21 декабря 1948 г.

Бывшие корейские военнопленные японской армии направлялись на родину из СССР и через китайский порт Дальний (тогда ещё находившийся в советской аренде), например, в 1949 г., ещё до провозглашения Китайской Народной Республики[4].

Участвовавшие в репатриации суда, выходившие из Владивостока, сначала заходили в КНДР и брали на борт представителей Красного Креста страны. На борту советских судов репатриантов встречали и далее сопровождали представители КНДР, официально — Красного Креста и, неофициально, представители спецслужб. О представителях советских спецслужб в составе команд остаётся только догадываться. Пока автор не располагает бесспорными данными об их участии в составе команд советских судов в этих гуманитарных рейсах.

В принципе, определённые разведывательные функции выполнялись и некоторыми профессиональными моряками торгового флота, работавшими по заданию советских спецслужб. Как отмечается в современных публикациях, ещё в ноябре 1953 г. в структурах спецслужб СССР был разработан совершенно секретный документ «Перечень вопросов на разведку военно-промышленных объектов в крупных портах капиталистических стран». Согласно «Перечню», с помощью гражданских моряков могли собираться (и собирались) сведения, интересующие советскую сторону. И Япония, как откровенный союзник США, не была в этом плане исключением, в том числе её порт Ниигата[5].

По сведениям А.Н. Ланькова, по крайней мере в первых рейсах «на борту находилась вооружённая охрана» (советская или северокорейская — не уточняется).

Публикация о первом рейсе «Тобольска» с репатриантами в 1959 г. за подписью первого помощника капитана теплохода А. Звягина была помещена в газете «Красное знамя» уже 7 января 1960 г. Следует отметить высокий уровень представительства северокорейской стороны — в первом рейсе за репатриантами в Японию прибыл министр просвещения КНДР (так в документе). По официальным данным, интерес к этому событию со стороны японских и других зарубежных журналистов был весьма высок. «Тобольск» в Ниигате встречали более 50 представителей прессы и радио, приход судна транслировался по местному телевидению.

В то время советские люди, как и советские суда, были для большинства японцев ещё в диковинку. Да и отношения между странами оставались настороженными и даже натянутыми. В данном же случае имел место и такой «отягощающий», чувствительный для Японии фактор, как корейский. Однако японские СМИ неизменно проявляли пристальный интерес к своему, также нелюбимому, «северному соседу» — СССР.

Так, к примеру, было в 1955 г., когда СССР через Японию возвращал Соединённым Штатам американские десантные суда, поставленные в годы войны по ленд-лизу

---

[4] См. подробнее: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9526сч. Оп. 6с. Д. 637. Л. 47–112; Д. 638. Л. 113, 107–107об.

[5] *Чуприн К.* Как вывести из строя Панамский канал // Военно-промышленный курьер. 2011. № 16.

(согласно Постановлению Совмина СССР от 9 апреля 1955 г. № 662-402 СС). Это событие также вызвало небывалый интерес журналистов.

Тогда в группу советских кораблей, прибывших в Майдзуру и сопровождавших ленд-лизовские десантные суда, входил в качестве флагмана тральщик Т-61, вспомогательное судно «Вишера» и три морских буксира. Как явствует из рассекреченных документов, на борту Т-61 помимо переводчиков с японского языка «на всякий случай» находились переводчики с китайского и даже корейского — с учётом послевоенных реалий и специфики состава населения.

Однако тогда японские власти под предлогом недопущения эксцессов во время нахождения советских кораблей не позволили советским гражданам сойти на берег, хотя в то время в Лондоне шли переговоры Советского Союза с Японией о заключении мира и восстановлении дипломатических отношений. В то же время капитан порта разрешил беспрепятственное перемещение советских малых плавсредств с кораблей по акватории порта, чем и воспользовалась советская сторона. В интересах соответствующих военных и разведывательных служб по акватории перемещался мотобот, спущенный со вспомогательного судна «Вишера» и имевший на борту команду из специалистов указанных служб[6].

Что касается корейских репатриантов, то теплоход «Тобольск» в Японии уже знали. Так, к примеру, в том же, 1959 г. на нём из Находки в порт Фусики (рейс 18–20 августа) вернулась японская делегация – участница всемирного фестиваля молодёжи в Вене. Оформление пассажиров-корейцев, а также японок, бывших замужем за корейцами, и их багажа в Японии было непродолжительным по времени. Так, в первом рейсе теплоход «Тобольск» стоял в Ниигате лишь три дня.

Первая группа репатриантов в количестве 974 человек отбыла из Ниигаты на двух советских судах, «Тобольск» и «Крильон», 14 декабря 1959 г. (по сведениям Германа Кима — 975 человек, по данным Андрея Ланькова — 976). При этом в информации ТАСС отмечалось, что желание выехать на родину высказали уже 130 тыс. «японских» корейцев (обратим внимание на всё возрастающую в официальных источниках цифру желающих выехать из Японии).

Надо отметить, что на рубеже 1950−60-х годов в регионе был серьёзный дефицит грузопассажирских судов. Тем не менее Советский Союз предоставил для перевозки корейских репатриантов два больших теплохода. Кроме того, в 1960 г. ДВМП осуществляло репатриацию в КНР подвергшихся гонениям в Индонезии китайцев (теплоход «Русь» германской постройки 1933 г., бывший «Cordillera»). Эти репатрианты относились к весьма зажиточной части населения Индонезии, и судно явно соответствовало их статусу.

Вернувшихся в КНДР встречали с присущей социалистическим тоталитарным режимам помпезностью и пропагандистским сопровождением. Так, по сведениям советской стороны, в порту Чхончжин собралось более 60 тыс. человек. «Играют оркестры, развеваются знамёна, транспаранты, ярко пылают цветы. Девушки в национальных костюмах исполняют народные танцы, поют песни» — так описывал встречу первый помощник капитана «Тобольска».

Тема возвращения корейских репатриантов из Японии в Северную Корею даже нашла отражение в одной из работ (офорт) известного советского художника Пен

[6] Боевая вахта. 2010. 12 июня. Личный архив автора.

Варлена, этнического корейца, уроженца Приморского края (по данным А. Успенского, в 1954 г. им был создан портрет деда Ким Ир Сена).

В мае 1960 г. приморская газета «Красное знамя» сообщала, что советские пароходы доставили из Японии в КНДР более 19 тыс. репатриантов, совершив 19 рейсов по линии Ниигата (Япония) — Чхончжин (КНДР), которые продолжались и в дальнейшем.

В 1959/60 г. капитаном парохода «Крильон» был Ш.Г. Асатиани, а «Тобольска» — К.А. Бойко. Это были опытные, хорошо известные на флоте и имеющие непререкаемый авторитет профессионалы (так, Ш.Г. Асатиани, будучи капитаном парохода «Хабаровск», участвовал в десантных операциях Тихоокеанского флота в порты Кореи в 1945 г., в период войны с Японией). В сентябре 1960 г. сообщалось о начале уже 38-го парного рейса этих двух судов по доставке репатриантов в Северную Корею. Согласно официальным советским источникам, из Токио в Ниигату встречать названные суда приехало свыше 400 корейских студентов, чтобы продемонстрировать признательность советским морякам и выразить требование к японским властям продлить срок действия соглашения о репатриации. В этот период между Японией и КНДР проходили сложные переговоры о продлении сроков репатриации.

В августе-сентябре 1960 г. в корейских газетах появились многочисленные публикации о запланированном визите Н.С. Хрущёва в КНДР. В юбилейном докладе, посвящённом 15-летию освобождения Кореи (15 августа 1960 г.), Ким Ир Сен официально сообщил об ожидаемом в ближайшее время визите в КНДР Н.С. Хрущёва. Корейская диаспора в Японии бурно приветствовала это известие (впоследствии по ряду причин визит так и не состоялся). Этот факт активно использовался и в КНДР, и в Японии левыми прокорейскими силами в пропагандистской кампании по наращиванию масштабов репатриации из Японии в КНДР[7] (южнокорейская сторона в то же время проводила соответствующие контрпропагандистские акции, направленные против репатриации).

В рамках пропагандистских мероприятий, проводимых в Приморье в связи с 15-летием освобождения Северной Кореи, во Владивостоке с 16 по 20 августа 1960 г. прошёл кинофестиваль корейских художественных фильмов. На киносеансы были приглашены моряки ДВМП как организации, связанной с репатриацией и грузовыми перевозками в КНДР, члены семей торговых моряков, военнослужащие Тихоокеанского флота, жители города и края.

В апреле 1961 г. газета «Красное знамя» поместила подробный репортаж о судне «Крильон» (бывшее германское судно-паром «Preussen», 1909 г. постройки), работавшем на линии Япония–КНДР.

В июне 1961 г. сообщалось, что теплоход «Тобольск» только за полтора года работы сделал 62 рейса и перевез в КНДР 18 тыс. 839 человек и свыше 11 тыс. тонн груза, в основном личное имущество репатриантов. В связи с завершением своей миссии по репатриации, теплоход был награждён знаменем Правительства КНДР и грамотой за подписью Ким Ир Сена. Все члены экипажа были награждены медалями общества

[7] Красное знамя. 1959. 23 авг., 17 дек.; 1960. 7 янв., 11 мая, 17 авг., 9, 10, 15, 20 и 21 сент.; 1961. 4 янв., 7 апр. и т.д.

Красного Креста КНДР и получили «личные подарки». Экипажу также было вручено знамя Ассоциации корейцев, проживавших в Японии[8].

В 1961 г. вместо «Тобольска» к перевозкам был привлечён теплоход того же типа «Норильск». Так, 18 июня 1961 г. он доставил очередную партию репатриантов. При этом в СМИ отмечалось, что судно лишь недавно стало работать на этой линии. Опубликованная 29 июня 1961 г. информация в газете «Красное знамя» совпала с сообщением Всесоюзного радио о прибытии 29 июня в Москву партийно-правительственной делегации КНДР во главе с Ким Ир Сеном (газета сообщила об этом 1 июля).

Автор помнит эти советские суда с нанесёнными на борта большими красными крестами. Будучи школьником начальных классов, он видел их у причалов Владивостока (и уже знал о перевозке репатриантов из Японии).

По официальным сведениям северокорейской стороны на конец июля 1961 г., в страну из Японии было репатриировано около 68 500 этнических корейцев. По этим же данным, примерно 14 700 человек, желавших переехать в КНДР, ещё оставались в Японии. Поэтому возникла необходимость в пролонгации ранее заключённого соглашения между Красным Крестом КНДР и Японией о репатриации, которое и было продлено сначала на год[9], а затем и больше.

Согласно сообщению ТАСС, 27 августа 1961 г. в Чхончжин (Чхоньчжинь, Чхонджин) прибыли советские суда «Норильск» и «Крильон», доставившие 72-ю группу корейских репатриантов (свыше 500 человек). Большинство репатриантов этой группы, как указывалось в сообщении, были уроженцами Южной Кореи, «но они отказались вернуться в Южную Корею и решили направиться в КНДР»[10].

В мае 1963 г. местные СМИ сообщали, что репатриация будет продолжена и в этом году: перевозить репатриантов будет раз в месяц пароход «Якутия» (некоторые печатные и интернет-источники ошибочно относят начало участия этого судна в процессе репатриации к 1960 г.).

Обратим внимание на то, что ухудшение советско-корейских отношений сказалось и на количестве публикаций о рейсах по репатриации — в местной прессе их практически не стало.

Как известно, уже в июле 1963 г. тщательно скрывавшийся ранее в СССР конфликт между КПСС и КПК получил публичную огласку в ходе начавшейся открытой полемики между сторонами. Отношения с Китаем (а также с КНДР) резко ухудшились.

В то же время, согласно публикациям советской прессы, в июле 1963 г. пражское бюро Всемирной федерации профсоюзов (ВФП — левая, просоветская международная структура) сделало специальное заявление по поводу проблемы репатриации. В нём, в частности, говорилось: «В настоящее время 600 тыс. корейцев, проживающих в Японии, ведут активную борьбу за возвращение в КНДР. 18 лет назад они были вывезены туда японскими империалистами с целью использования их на тяжёлых работах и военной службе». Как отмечалось в газете «Красное знамя», «в своём заявлении ВФП подчёркивает, что свобода выезда на родину является священным национальным правом, признанным международным законодательством, и выражает уве-

[8] Там же. 1961. 7 апр., 25 и 29 июня; 1973. 15 июля.
[9] Красное знамя. 1961. 4 авг.
[10] Там же. 1961. 30 авг.

ренность, что при активной поддержке народов всего мира корейские граждане, проживающие в Японии, безусловно, добьются победы»[11].

Напомним, что ещё в начале 1959 г. говорилось о более чем 117 тыс. соотечественников, планировавших вернуться на Север страны, а в декабре 1959 г. — о 130 тыс. Теперь — о 600 тыс.!

7 апреля 1965 г. было опубликовано очередное заявление МИД КНДР, на этот раз в связи с «усиливающимися репрессиями в отношении корейских граждан, проживающих в Японии». И пропагандистское противостояние, несмотря на процесс репатриации, не прекращалось ни на минуту. Можно предположить, что это заявление было связано во многом и с иссякающим потоком репатриантов. Как писала газета «Красное знамя» 1 октября 1965 г. со ссылкой на сведения, полученные от ДВМП, «уже несколько лет суда Дальневосточного пароходства доставляют из Японии корейцев — репатриантов в КНДР. На линии Ниигата–Чхончжин работали „Тобольск“, „Норильск“, „Крильон“ и другие корабли. За это время ими перевезено более 84 тыс. человек, пожелавших возвратиться на Родину»[12].

Г. Ким в одной из публикаций называет цифру 88 тыс. 611 человек, вернувшихся до 1967 г. За этот же период из Японии на Юг переехало менее 5 тыс. человек.

Пропхеньянский автор Чо Док Син употребляет термин «коллективная репатриация корейцев из Японии», называя ее «переселением народа в XX в.».

В печатных и электронных публикациях до сих пор называются цифры от «нескольких тысяч»[13] до «более 80 тыс. корейских репатриантов»[14]. А.Н. Ланьков в одной из публикаций называет общую окончательную цифру таких репатриантов в 93 тыс.[15].

Как пишет известный исследователь Г.Н. Ким (Казахстан), репатриация резко снизилась в 1960-х годах до 1−2 тыс. человек в год, затем упала до нескольких сотен в 1970-х и до нескольких десятков человек в 80-х годах. Всего, по его данным, к 1984 г. на Севере оказалось около 95 тыс. корейских репатриантов[16].

На какое реальное количество репатриантов планировали выйти в руководстве КНДР, сегодня сказать не представляется возможным по известным причинам, но, по нашему мнению, в пропагандистском плане Пхеньян всё же проиграл.

В конце сентября 1965 г. во Владивосток на «Якутии» прибыла корейская делегация, которую возглавлял, как отмечалось в газете «Красное знамя», один из ведущих работников Красного Креста КНДР, Ким Ир Хва. После пребывания во Владивостоке делегация побывала в Находке, где с апреля 1958 г. функционировало Генконсульство КНДР.

Генеральными консулами КНДР в Приморье, через которых шла координация программы репатриации, начиная с 1958 г. и до середины 1960-х годов являлись Ким Тон Кю, Сон Рён Сун, Ли Юр.

---

[11] Там же. 1963. 27 июля.

[12] Красное знамя. 1965. 1 окт.

[13] Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2008. 19 мая — 1 июня.

[14] Энциклопедия Кольера (Интернет).

[15] *Ланьков А.Н.* Указ. соч. С. 106.

[16] *Ким Г.Н.* На Север или Юг? (Репатриация в Корею). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/11111112.shtml.

Большая ответственность, организаторская и политическая нагрузки, связанные с кампанией по репатриации, легли также на плечи нового Первого секретаря Приморского краевого комитета КПСС, Героя Советского Союза В.Е. Чернышёва. Он возглавил парторганизацию края (т.е. фактически — край) в мае 1959 г. и находился на этом посту до 1969 г. У В.Е. Чернышёва сложились хорошие деловые и даже дружеские отношения с Н.С. Хрущёвым. Видимо, не случайно В.Е. Чернышёв был избран и в состав Секретариата (19 человек) XXII съезда КПСС, что подчёркивало статусность Первого секретаря Приморского КК КПСС.

К слову, В.Е. Чернышёв сменил Т.Ф. Штыкова, бывшего до него Первым секретарем в крае (1956–1959) и известного, в том числе, в качестве первого советского посла в КНДР (1948–1950). Странно, что далеко не все корееведы обращают внимание и на эту приморскую страницу в биографии Т.Ф. Штыкова. К. Асмолов, к примеру, пишет лишь, что Т.Ф. Штыков впоследствии был назначен (правильно — избран) секретарём Новгородского обкома КПСС[17].

Ещё 29 октября 1959 г., согласно официальной записи в журнале посетителей, Н.С. Хрущёв имел беседу с новым послом СССР в Венгрии Т.Ф. Штыковым. Однако, судя по всему, речь шла не только о европейской международной проблематике.

Лидер КПСС, недавно вернувшийся из поездки в Приморье (4–7 октября 1959 г.), выяснял для себя и некоторые вопросы, связанные с Владивостоком и краем, в т.ч. в контексте международном, ибо Т.Ф. Штыков, избранный с подачи Н.С. Хрущёва, более трёх лет («бурных» после переломного XX съезда КПСС) являлся Первым секретарём Приморского КК КПСС (февраль 1956 — май 1959 г.), а новый, В.Е. Чернышёв, был избран менее полугода назад. Заметим при этом, что Н.С. Хрущёв во время визита в край мягко, но настойчиво предостерегал местное руководство и «трудящихся» от попыток критики Т.Ф. Штыкова «вдогонку».

Как известно, в эту поездку Н.С. Хрущёв поставил задачу превратить Владивосток в «витрину социализма на Дальнем Востоке», сделать город «лучше и красивее, чем Сан-Франциско». Уже начали спешно готовить соответствующие решения Правительства (Постановление Совмина СССР № 43 «О развитии г. Владивостока» было принято 18 января 1960 г. и официально полностью рассекречено лишь в… 2006 г.).

К этому времени отношения с КНР явно испортились, но Приморский край уже имел налаженные и устойчивые связи с приграничными китайскими провинциями (как и корейскими). Дальневосточному пароходству вскоре предстояло выполнять непростую в политическом плане гуманитарную акцию по репатриации корейцев из Японии в КНДР.

Т.Ф. Штыков в глазах Хрущёва был бесспорным специалистом по Корее, знавшим механизмы регионального сотрудничества и с КНДР, и с КНР и налаживавшим их в своё время (кстати, Н.С. Хрущёв вернул Т.Ф. Штыкову звание генерал-полковника, которого тот был лишён И.В. Сталиным, разжаловавшим его до генерал-лейтенанта за «неудачи» КНДР в Корейской войне уже осенью 1950 г.).

На завершающем этапе репатриации, относящемся к позднехрущёвскому периоду, Т.Ф. Штыков, при котором в крае началась проработка вариантов такой работы ДВМП (январь–май 1959 г.), занимал должность заместителя председателя комитета

[17] *Асмолов К.* Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 157 (сн. 13).

партийно-государственного контроля бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР (скончался в октябре 1964 г., вскоре после смещения Н.С. Хрущёва)[18].

Можно констатировать, что СССР серьёзно и достойно подошёл к выполнению взятых на себя обязательств. Предоставляемые советской стороной суда были довольно комфортабельны для того периода и вполне приемлемы для кратких по времени плаваний.

Экипажи судов, перевозивших репатриантов, являлись коллективными членами Приморского отделения общества советско-корейской дружбы. О работе советских судов по репатриации периодически писала местная пресса, сообщало телевидение. Капитаны и члены экипажей судов, занятых на перевозках, приглашались на различные мероприятия, проводимые в связи с памятными датами в истории КНДР, советско-корейских отношений[19].

Позже в фундаментальных изданиях по истории ДВМП (1980 г. и др.), как, впрочем, и в других публикациях советского и постсоветского периодов, связанных с деятельностью пароходства, миссия по репатриации корейцев из Японии практически не упоминалась; по каким причинам — сегодня сказать трудно.

Как вспоминали ветераны ДВМП (2000 г.), для многих из них своеобразным памятным музыкальным символом этих перевозок репатриантов стала мелодичная японская песня «У моря, у синего моря…». Невероятно популярная в СССР, особенно в 1964−1965 гг., она постоянно звучала в радиоэфире, с грампластинок и магнитофонов, звуковых писем и телеэкранов. Исполнялась, как на японском — в оригинале, так и на русском — в переводе. (Спустя три десятилетия эта песня, как одна из знаковых 1960-х годов, вновь прозвучала в современном исполнении в популярном ретропроекте Первого телеканала «Старые песни о главном-2», который затем неоднократно повторялся в телеэфире по просьбам телезрителей.)

Название порта Чхончжин, хорошо известного дальневосточным морякам — участникам репатриационных рейсов, неожиданно часто и тревожно зазвучало в телерадиоэфире в апреле 1969 г., когда двумя северокорейскими самолётами МиГ был сбит американский невооружённый разведывательный самолёт Е-121М, осуществлявший свою миссию вблизи границы с КНДР. Погиб 31 человек экипажа и разведкоманды.

Что касается отношений между СССР и КНДР, то они в этот период репатриации в действительности переживали весьма сложные времена. Так, советское руководство и лично Н.С. Хрущёв были раздражены и даже взбешены бесцеремонной деятельностью северокорейских спецслужб в отношении своих граждан, но на территории СССР (рубеж 1950–60-х годов). В связи с этим по настоянию Н.С. Хрущёва из Москвы даже был отозван посол КНДР.

Но в печатных изданиях СССР всё выглядело безмятежно. Так, в газетах в 1962 г. сообщалось, что в 1963 г. планируется построить в Ленинграде очередной танкер грузоподъёмностью 27 тыс. тонн под названием «Пхеньян». Он должен был продол-

[18] Красное знамя. 1957. 14 марта; 1958. 12 янв., 15 февр.; 1964. 29 окт.; Владивосток. 2007. 11 мая и др.

[19] Там же. 1958. 21 нояб.; 1960. 25 июня; 1961. 15 авг., 17 сент.; 1966. 27 мая; 1971. 3 марта; 1972. 15 июля.

жить серию аналогичных судов, названных в честь столиц стран социалистического лагеря. Головное судно получило название «Пекин» (1958 г.), что тогда казалось логичным и естественным. Затем последовали «Варшава», «Будапешт», «Прага», «Бухарест» (1962 г.), «Улан-Батор» (1962 г.).

Однако уже с декабря 1962 и по 1965 г. (вплоть до визита в КНДР нового Предсовмина СССР — А.Н. Косыгина) военная и экономическая помощь СССР Северной Корее была фактически заморожена.

Следует отметить, что в современных местных газетных публикациях (т.н. «краеведов») уже в 2000-е годы автор встречал утверждения о том, что советские суда сопровождались боевыми кораблями Тихоокеанского флота с целью недопущения возможного «бунта» корейцев и их попыток повернуть суда на Юг страны, в Республику Корея. Скорее всего, речь может идти лишь об участии таких кораблей в сопровождении судов в нейтральных водах.

Не надо забывать, что шла «холодная война» и резонно было опасаться возможных провокаций и эксцессов, прежде всего со стороны США и Южной Кореи.

Так, ещё в феврале 1959 г., согласно заявлению ТАСС со ссылкой на сообщения зарубежного радио, после нелёгкого решения правительства Японии разрешить репатриацию, южнокорейские «лисынмановские власти объявили о приведении в боевую готовность военно-морских и воздушных сил с целью сорвать перевозку репатриантов»[20].

Впрочем, и само «тревожное» тассовское сообщение, и такая внешне жесткая южнокорейская реакция на репатриацию являлись ярким свидетельством непрекращавшейся пропагандистской, психологической войны «мира социализма» с «миром капитала».

Да и в целом обстановка была весьма нервозная. И КНДР в условиях противостояния с США, Японией и Южной Кореей чувствовала себя буквально как затравленный зверь.

А.Н. Ланьков, говоря о советских боевых кораблях эскорта 1959 г., отмечает: «…В море транспорты сопровождались кораблями советского Тихоокеанского флота; присутствие флота было необходимо, так как существовала вполне реальная угроза, что суда с репатриантами будут перехвачены силами ВМФ Южной Кореи»[21].

Гуманитарная миссия началась с драматических событий. В декабре 1959 г. вблизи Корейского полуострова был обстрелян советский невооружённый малый разведывательный корабль (МРЗК) Тихоокеанского флота (обратим внимание — уже вскоре после завершения первого рейса с репатриантами!). В официальном советском сообщении он именовался «гидрографическим судном» под названием «Унго», и о признании его подлинного предназначения в те годы в официальном сообщении не могло быть и речи (удивляет тот факт, что и спустя 45−50 лет корабль в редких публикациях, вскользь затрагивающих эту тему, по-прежнему классифицируется то как гидрографическое, то как исследовательское судно).

В реальности это было переоборудованное соответствующим образом судно постройки ГДР 1955 г. небольшого водоизмещения (380 т) и малой скорости хода —

---

[20] Красное знамя. 1959. 17 февр.

[21] *Ланьков А.* «Репатриация» корейцев из Японии в КНДР // Сеульский вестник. 2007. 23 сент. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik.kr/articles/history page/2926html.

до 9 узлов. Посты радио- и радиотехнической разведки были размещены в рыбном трюме[22].

Для корабля это был обычный разведывательный поход. Но, как следует из современных сведений, в первую очередь осуществлялось с учётом конкретной ситуации целенаправленное разведывательное обеспечение безопасности возвращения корейских репатриантов из Японии в КНДР.

По официальным советским данным, указанный инцидент произошёл 28 декабря 1959 г. в 14 час. 35 мин. по московскому времени (т.е. в 21.35 по владивостокскому) в 30 милях от побережья КНДР и в 36 милях северо-восточнее границы Южной Кореи в Восточно-Корейском заливе.

Помимо официального сообщения пространные публикации об этом инциденте появились на страницах ряда изданий в виде оригинальных материалов или их перепечаток[23].

Так, в заметке Е. Каменецкого, к примеру, содержались такие пассажи, как «неизвестный военный корабль без флага, подходивший к советскому кораблю», «южнокорейский корабль типа «большой охотник» с бортовым номером 205, открывший огонь»… Указывалось также наличие других военных кораблей: «Вскоре моряки „Унго“ заметили вдали ещё два затемнённых корабля» и т.д. В результате обстрела с «борта № 205» советский корабль получил значительные повреждения (ходовой мостик, компас, радиоантенна, труба, спасательная шлюпка и др.).

При этом отметим, что условная морская граница (разграничительная линия) между двумя Кореями в принципе никогда не признавалась КНДР как межгосударственная и на протяжении многих десятилетий здесь имели место многочисленные инциденты между военными, рыболовными и другими кораблями и судами двух государств.

К слову, об инциденте с «Унго» советские СМИ перестали писать очень быстро, буквально через несколько дней, что косвенно свидетельствует о причастности к нему КНДР.

Никаких данных о том, что северокорейская сторона принесла официальные извинения или разъяснения по поводу инцидента (даже в конфиденциальном порядке), у автора на сегодняшний день нет.

Что же касается возможного «бунта» репатриантов на судах и задач его гипотетического пресечения, то документального подтверждения этому нет. К тому же неприкрытый диктаторский (и проамериканский) политический режим в Южной Корее того периода, по большому счёту, не очень отличался от режима Ким Ир Сена в Северной Корее, который был просоветским/прокитайским, т.е. прокоммунистическим. И ни о каком южнокорейском экономическом чуде, случившемся гораздо позже, речи ещё не шло. Жизненные стандарты на Юге находились на весьма низком уровне, и там не наблюдалось никаких видимых преимуществ по сравнению с Севером. Скорее, напротив, Север был в этом смысле более привлекательным для многих «японских» корейцев, в немалой степени благодаря прокоммунистической пропаганде.

---

[22] *Лопухин А.Н.* Разведывательные корабли // Тайфун. Военно-технический альманах. 2002. № 2 (42). С. 24.

[23] *Каменецкий Е.* Подлая провокация южнокорейских пиратов // Советский флот. 1959. 31 дек.; 1960. 1 янв.; *Халилецкий Г.* В море — пираты // Советский моряк. 1960. № 2. С. 23; Боевая вахта. 1960. 4 янв.; Красное знамя. 1960. 1 и 5 янв.

Свой посильный вклад в пропаганду внёс и упоминавшийся нами советский корейский художник Пен Варлен, создавший в 1961–1962 гг. серию талантливых офортов «Южная Корея в борьбе за свободу и единство». Репродукции этих произведений также использовались в т.н. наглядной агитации на различных мероприятиях, проводимых, в том числе, в Японии в рамках кампании по репатриации.

Дальнейшая судьба репатриантов — это тема отдельного исследования, но известно, что немалое их число вскоре испытало на себе «прелести корейского социализма», попав в спецдеревни, лагеря и т.д.

Некоторые сведения об этом приводит А.Н. Ланьков. Так, в одной из своих публикаций 1995 г. он рассказывает историю о том, как «живущий ныне в Южной Корее (перебежал туда в 1992 г.) Кан Чхоль Хван был отправлен в „особый район объектов диктатуры“ вместе со своей семьёй в 1977 г., когда ему было всего семь лет, и находился там до февраля 1987 г. „Причиной его ареста стал конфликт между его проживающей в Японии бабушкой — активисткой „Чхонрена“, пропхеньянской организации японских корейцев, и лидером этой организации Хван Док Су. После репатриации эта семья, которая, помимо всего прочего, внесла немалые деньги на строительство исполинской статуи Ким Ир Сена на холме Мансудэ, в полном составе попала в лагерь…». А.Н. Ланьков пишет, что «следствием северокорейских симпатий стали трагические события так называемой „репатриации“ — выезд примерно 110 тыс. японских корейцев (в различных публикациях этот автор называет разное количество репатриантов) на „историческую родину“ в КНДР. Произошло это в начале 60-х годов. Большинство „возвращенцев“, оказавшись в стране Ким Ир Сена, быстро пожалели о своём опрометчивом решении, но пути назад уже не было…»[24].

Следует, однако, сказать, что в тот период социализм, Советский Союз, другие соцстраны, в том числе Китай, были очень популярны, авторитетны и притягательны для значительной части трудящихся мира. А слова «спутник», «Гагарин», «Хрущёв», «Мао Цзэ-дун» не сходили со страниц мировых газет, и прежде всего они ассоциировались с социализмом как системой, существовавшей в СССР, КНДР, КНР.

Следует отметить, что судами Дальневосточного пароходства в Южную Корею также периодически доставлялись южнокорейские граждане, несмотря на то что Советский Союз не признавал де-юре это государство и не поддерживал с ним никаких отношений. Этими гражданами обычно являлись южнокорейские рыбаки, члены немногочисленных команд катеров и мотоботов, потерпевших бедствие в открытом море и спасённых советскими моряками.

Южнокорейцев с советских судов обычно передавали властям в районе порта Пусан в открытом море или на рейде. В феврале 1959 г., к примеру, это был пароход «Рига» (8 человек), в декабре 1960 г. — пароход «Кронштадт» (6 человек) и т.д. Сообщая об этом, советская пропаганда обязательно подчёркивала не только низкий жизненный уровень этих южнокорейских рыбаков, но и указывала на факты отказа им в оказании помощи со стороны соотечественников-рыбаков, не желавших тратить время на спасательные операции, в результате которых будут потери в улове и пр.

В частности, в декабре 1965 г. пароход «Находка» доставил в Пусан спасённый советскими моряками экипаж очередной южнокорейской шхуны, терпевшей бед-

[24] *Ланьков А.Н.* Корейское зарубежье: Япония. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://okoree.narod.ru/507. htm.

ствие в Японском море, на этот раз у входа в Корейский пролив[25] (это был и район постоянной боевой службы-дежурства боевых и разведывательных кораблей Тихоокеанского флота).

Таково наше видение проблемы репатриации корейцев в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов и участия в этой акции судов советского Дальневосточного пароходства.

Кроме того, Дальневосточное пароходство имело непосредственное отношение к возвращению в Корею из СССР будущего лидера КНДР Ким Ир Сена. Об этом и сегодня знают немногие, в том числе и среди корееведов.

В настоящее время уже не является секретом то, что Ким Ир Сен, самый известный северокорейский репатриант, прибыл на Родину 19 сентября 1945 г. (порт Вонсан/Гензан) на судне Дальневосточного пароходства (американской постройки 1943 г., типа «либерти»).

Вышедший из Владивостока 18 (?) сентября 1945 г. пароход носил название «Емельян Пугачёв» (быв. «Lauis Agossiz»), которое, при желании, можно рассматривать и как весьма символическое. (Иногда в литературе встречается написание названия парохода как просто «Пугачёв», что неверно.) Капитаном парохода являлся А.Н. Доценко. Капитан и экипаж были проверенными, надёжными и высокопрофессиональными.

Ещё в августе 1945 г. пароход в числе других участвовал в доставке снаряжения, боевой техники и десантников на Сахалин и Курильские острова в ходе соответствующих десантных операций советских войск и флота в войне с Японией. По-своему знаменитый «Емельян Пугачёв» входил в состав ДВМП с 1943 по 1977 г. Участвовал в доставке грузов не только в Северную Корею, но и в другие страны: лес в Японию в 1958 г., консервы на Кубу в 1962 г. и т.д.[26].

Что касается Ким Ир Сена, то сухопутный путь, ранее планировавшийся для его прибытия в Корею, был отвергнут советской стороной по соображениям безопасности. Хотя и морской также не обеспечивал полной безопасности. Так, незадолго до этого, ещё 15 сентября 1945 г. при подходе к Вонсану подорвался на мине и получил большие повреждения пароход «Караганда».

Затем будущий «великий вождь и учитель» добирался поездом в Пхеньян (выехал 20 и прибыл утром 22 сентября) в сопровождении «советских товарищей», призванных обеспечить безопасность одного из намеченных в СССР возможных претендентов на высшие партийно-политические и военно-административные посты в советской зоне оккупации Кореи.

Ещё раз подчеркнём, что сам «путь» возвращения в Корею (и Пхеньян) Ким Ир Сена, «механизм» этого возвращения исследователи — и советские/российские, и зарубежные, — не зная подробностей, долгие годы старательно обходили стороной или лишь строили догадки и предположения.

---

[25] Красное знамя. 1959. 22 февр.; 1960. 18 дек.; 1965. 24 дек.

[26] Там же. 1958. 26 марта; 1962. 9 окт.; ДВМП: рейс длиною в 125 лет. С. 255; и др.

Список литературы

Асмолов К. Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 3. С. 131–158.

Безик И.В. Тихоокеанский флот, год 1959-й… // Приморье: времена «оттепели». 1953–1964 гг. Книга первая. Владивосток, 2007.

Боевая вахта (газета). Владивосток.

Каменецкий Е. Подлая провокация южнокорейских пиратов // Советский флот. 1 янв. 1960 г.

Ким Г.Н. На Север или Юг? (Репатриация в Корею) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/11111112.shtml.

Красное знамя (газета). Владивосток.

Ланьков А.Н. Естественная смерть северокорейского сталинизма? // Восток / ORIENS. 2006. № 4. С. 96–111.

Ланьков А.Н. Корейское зарубежье: Япония [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://okoree.narod.ru/507.htm.

Ланьков А. «Репатриация» корейцев из Японии в КНДР // Сеульский вестник. 23 сент. 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestnik.kr/articles/history page/2926html.

Ли Герон. Великое покаяние. Бишкек, 2005.

Лопухин А.Н. Разведывательные корабли // Тайфун. Военно-технический альманах. 2002. № 2. (42). С. 24–26.

Разведке Тихоокеанского флота — 70 лет // Морской сборник. 2002. № 7.

Розин А. Советский флот и ВМС Северной Кореи (КНДР) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http//alerozin.narod.ru/KNDRiUSSR.htm.

Ткаченко В.П. Уроки корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 82–102.

Успенский А. Внутренний стиль (отредактированный вариант статьи опубликован в альбоме «Пен Варлен. Офорты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://uspensky.narod.ru> pen.html; a-uspensky.livejournal.com.

Халилецкий Г. В море — пираты // Советский моряк. 1960. № 2. С. 2–3.

Чуприн К. Как вывести из строя Панамский канал // Военно-промышленный курьер. 2011. № 16.

Шигин В. Не скажет ни камень, ни крест, где легли… // Труд. 6 мая 1997 г.

Шигин В. Тайна исчезнувшей «щуки» // Морской сборник. 1997. № 12.